

На следующий день, на рассвете, Ци Цзюнь, как обычно, встал пораньше, чтобы попрактиковаться с саблей, но от управляющего узнал новость: Сяо Юй уехал еще прошлым вечером.

Мы тоже уговаривали того господина остаться, — с досадой произнес управляющий, страшно боясь, что Ци Цзюнь станет винить его за то, что не удержал гостя. — Пробило три удара третьей стражи, уже действовал комендантский час, но он во что бы то ни стало пожелал уйти, да еще велел передать вам, господин хоу, чтобы мы побеспокоили вас только сегодня, поскольку вы в последнее время сильно устаете.

В ответ он слышал лишь короткое слово Ци Цзюня: «Ладно».

Каменный фонарь во внутреннем дворе только что погас, густая утренняя роса пропитала насквозь отвороты одежды Ци Цзюня.

Палаш с рукоятью, обмотанной пеньковой веревкой, рассек воздух сверху вниз, повинувшись руке Ци Цзюня, и описал идеальную прямую, словно намереваясь пронзить клубящуюся дымку тумана.

На сердце у Ци Цзюня лежало тяжелым камнем, и он совершенно не соображал, какой именно удар из тех, что некогда преподавал учитель, он сейчас выполняет.

В его голове один за другим, словно кадры из фонаря марионеток, проносились вчерашние моменты у канала: как он завоевал главный приз и подарил Сяо Юю нефритовый кулон для веера.

Он и Сяо Юй — полководец и император. Даже находясь совсем рядом, они словно разделены пеленой легкого тумана.

Стоило ему сделать хотя бы шаг навстречу, как Сяо Юй тут же отступал обратно в туман, оставляя ему лишь смутную тень.

Ци Цзюнь шагнул вперед и нанес горизонтальный удар. Раздался громкий треск, и два куста зеленого бамбука толщиной с кулак у каменной дорожки переломились пополам.

Последние два дня марта были днями работы конского рынка на Западной окраине.

Великая Шан жила в основном земледелием, и хотя на рынках лошади продавались всегда, отменных скакунов среди них встретишь редко. Тех, кто годился для поля боя и мог за день покрыть тысячу ли, приходилось выкупать у кочующих по всей стране торговцев лошадьми и прибывших с юга хусцев.

В этом году тепло пришло поздно, и большинство людей на конском рынке все еще кутались в

зимнюю одежду. В воздухе стоял густой запах конского навоза, а слух непрестанно резали ожесточенный торг, зазывалы и конское ржание.

Ци Цзюнь долго присматривался и наконец остановился у лавки хусца в овчинном тулупе.

— Уважаемый, а вот эта белая лошадь...

Два голоса прозвучали одновременно. Ци Цзюнь скосил глаза и с удивлением заметил, что молодой человек в белой накидке положил глаз на ту же самую лошадь.

— У молодого господина отменный глаз! У этой лошади крепкий костяк, ладный рост, да и старых ран никаких нет — редкий, прекрасный скакун, — обратился к Ци Цзюню незнакомец, протянув руку и легко погладив белую гриву.

— И то верно. Прошу вас, братец, выбирайте первыми, — Ци Цзюнь сделал шаг назад, уступая.

— Благородный муж не отнимает то, к чему лежит душа другого. К тому же из такого множества лошадей мы оба заметили именно эту — значит, суждено нам встретиться. Ради такого случая я обязан уступить ее вам.

С этими словами молодой человек отпустил поводья и неспешно удалился своей дорогой.

Ци Цзюнь проводил взглядом спину незнакомца: ступал тот уверенно, фигура его, пусть и чуть тоуковатая, была прямой и гордой.

Мартовский ветер то и дело вздымал подол его накидки, делая его похожим на белого кречета, расправляющего крылья.

С момента их последней встречи прошло всего-то ничего — один короткий день.

Выходные дни подошли к концу, и Ци Цзюнь, облачившись по уставу в парадные чиновничьи одежды, отправился на утренний совет.

Молодой император, над которым больше не довлела фракция регента, наконец-то явил миру истинное величие правителя Поднебесной. Окинув взглядом собравшихся сановников, он остановил леденящий взор на Ци Цзюне, но не задержался на нем ни на мгновение.

— Ваш покорный слуга, командующий Управлением божественного оружия и великий полководец, охраняющий государство, Су Яо, приветствует Ваше Величество, — раздался рядом с Ци Цзюнем знакомый голос.

Опустив взгляд, он увидел, что рядом с ним на одно колено опустился не кто иной, как вчерашний юноша с конского рынка.

Су Яо — это имя он уже слышал.

В свое время род Су, к которому принадлежала покойная матушка Сяо Юя, потерпел поражение в борьбе с могущественными евнухами. Их имущество конфисковали, а сородичей казнили или отправили в изгнание.

Одна ветвь этого прославленного военного рода была сослана на самый юго-запад, где они охраняли четырнадцать пограничных округов. Когда регент пал и Сяо Юй воцарился на престоле по праву, давняя несправедливость в отношении благородной супруги была смыта, а род Су, вполне закономерно, вновь призван на службу и осыпан милостями.

Су Яо приходился потомком именно той ветви рода. Ци Цзюнь слышал о нем потому, что ходили слухи: на поле боя тот неизменно выходил в белых одеждах, за что и заслужил славу генерала в белых одеждах.

Летом юго-запад Великой Шан превращался в топкую трясину, а зимой — в бескрайнюю снежную равнину; то были суровые, глухие и безлюдные края.

Но глаза Су Яо горели ясным огнем, а весь его облик излучал живую энергию.

Ци Цзюнь заметил у него на шее шрам, похожий на переплетение древесных корней, и перед его мысленным взором тотчас возникли те заброшенные снежные равнины.

Юноша в белых одеждах и серебряных доспехах в одиночестве скачет на лошади среди снегов, яростный ледяной ветер треплет его плащ, и кажется, будто он сам вот-вот растворится в этой безбрежной белизне.

— Дорогой чиновник только что вернулся в Шанцзин, Я разрешил тебе полмесяца не появляться на утренних советах, зачем же ты все равно пришел? — вроде бы с упреком произнес Сяо Юй, но в словах его сквозило бесконечное тепло и забота.

Ци Цзюнь почувствовал легкую тоску: благодаря родству с благородной супругой Лянь отношения между Сяо Юем и его родственником Су Яо все-таки были куда более близкими.

— Если бы я, едва вернувшись в Шанцзин, стал пропускать утренние доклады, со стороны это выглядело бы слишком пренебрежительно, — со смешком ответил Су Яо.

Видя такое упорство, Сяо Юй не стал продолжать расспросы и велел ему занять свое место.

Никаких важных дел на сегодняшнем совете не решалось.

После окончания аудиенции, едва Ци Цзюнь переступил порог ворот Шэньу, позади послышался оклик:

— Генерал Ци! Император велел ждать вас на Платформе Цзяньчжан! — кричал молодой евнух.

— На Платформе Цзяньчжан? — Ци Цзюнь нахмурился. После истории с императрицей-матерью подобные туманные приглашения вызывали у него глухую тревогу.

— Именно так. Я — личный евнух при особе Его Величества, зовут меня Фу Цзи, — заметив его сомнения, евнух поспешил назвать себя.

— Зачем я понадобился императору?

— Император изволил сказать, что господин хоу обещал обучить его владеть мечом, поэтому он будет ждать вас на Платформе Цзяньчжан.

Эту договоренность они заключили с Сяо Юем во время их визита в загородный дворец за мечом. Об этом обещании никто, кроме них двоих, не знал, и Ци Цзюнь, успокоившись, послушно последовал за Фу Цзи.

Башня Сбора Звезд была самым высоким зданием во Дворце Дамин, и если смотреть с ее вершины вниз, весь Шанцзин открывался как на ладони. Во времена, когда Сяо Юй был связан по рукам и ногам влиянием регента, он частенько хаживал сюда, чтобы бросить взгляд вдаль.

Платформа Цзяньчжан же находилась неподалеку от Башни Сбора Звезд, и на фоне последней казалась совсем маленькой и уединенной.

Сяо Юй отослал всю стражу. К моменту прибытия Ци Цзюня он уже сменил парадное императорское облачение и, устроившись у окна, с унылым видом разглядывал окрестности.

— Как же медленно идет генералу Ци путь, — небрежно бросил упрек Сяо Юй, растеряв все величие владыки, с которым только что восседал на тронном месте.

Оглядев Ци Цзюня, он заметил, что тот по-прежнему облачен в тяжелые доспехи, и распорядился:

— Фу Цзи, в таком виде он не сможет учить Меня фехтованию. Сведи его переодеться.

Под предводительством Фу Цзи Ци Цзюнь сменил одеяние на форму старшего дворцового стража и, вернувшись на Платформу Цзяньчжан, застал молодого императора во дворе.

Обстановка этого двора строго следовала привычным дворцовым канонам — все было чинно и благопристойно. Лишь у алых дворцовых стен буйно цвело дерево юйтанчунь: его белые цветы согнули ветви под собственной тяжестью, отбрасывая причудливые тени на синие каменные плиты.

— Ваше Величество уже практиковали искусство фехтований? — поинтересовался Ци Цзюнь.

— Шесть искусств — ритуалы, музыку, стрельбу из лука, управление колесницами, письменность и счет — Я постигал со всем усердием в детстве, но ныне кое-что уже позабыл.

— Тогда позвольте мне, Ваше Величество, показать вам несколько приемов.

Приняв меч из рук Сяо Юя, Ци Цзюнь отложил клинок в сторону, оставив в руке лишь ножны.

Закрыв глаза, он успокоил мысли, мысленно перенесся в опустевший мир, где не было никого, кроме него. Пять движений — поддеть, зацепить, ткнуть, закружить, рассечь — слились в единый плавный поток, быстрый и непрерывный, словно текущая вода. В лучах мягкого солнца черты лица красивого юноши казались высеченными из камня, где свет и тень очерчивали профиль, подобный заходящему за горные хребты солнцу.

Вряд ли найдется на свете сердце, способное остаться равнодушным при виде этой картины.

Однако Сяо Юй смотрел на Ци Цзюня вовсе не для того, чтобы следить за его движениями.

В памяти его внезапно всплыл тот день дворцового переворота: Ци Цзюнь верхом на коне натягивает тетиву тугого лука, и он сам точно так же смотрит на него. Лицо Ци Цзюня было сплошь покрыто запекшейся кровью и грязью, но взгляд горел несокрушимой твердостью.

Без всяких предварительных слов Сяо Юй тогда отчетливо понял: Ци Цзюнь призывает его довериться ему.

В то мгновение, когда решалось всё, та стрела не причинила ему ни малейшего вреда, влетев прямо в правый глаз и насквозь пробив голову Сяо И.

Зачем было верить ему?

Неизвестно.

В этом мире сызвеста полно вопросов, на которые нет точного ответа — рождение и старость, болезнь и смерть, слепая тоска и страстная любовь.

Точно так же, как Сяо Юй не мог предугадать, сколько еще времени подобные дни будут идти рука об руку с его судьбой.

<http://bllate.org/book/21170/2144732>